

18+

ВЛАД РЕВЗИН

УВЕ КЛЮГ

1941

**ПАРИЖСКИЕ
ТАЙНЫ**

ФРЕЙЛЕЙН

РУДИ

Влад Ревзин

Парижские тайны фрейлейн Руди

«Издательские решения»

Ревзин В. Е.

Парижские тайны фрейлейн Руди / В. Е. Ревзин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-516848-1

Уве Клюг в поисках таинственного «Спящего пророка» попадает в оккупированный Париж, где сталкивается с «французским гестапо», криминалом и предсказателями будущего. В истории действуют реально существовавшие персонажи и исторические знаменитости.

ISBN 978-5-00-516848-1

© Ревзин В. Е.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	10
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	21
Глава 5	25
Глава 6	28
Глава 7	32
Глава 8	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Парижские тайны фрейлейн Руди

Влад Евгеньевич Ревзин

© Влад Евгеньевич Ревзин, 2020

ISBN 978-5-0051-6848-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРОЛОГ

17 мая 1941 года, серый ветреный день; на башне Святого Стефана 13 тонный Биг-Бен отбил пять раз.

ЛОНДОН

Агáта Мэри Кларисса, лэди Мállлоуэн, гораздо более известная, как писательница Агата Кристи, следила, как молодая девушка наполняла чаем чашку из сервиза «Граф Блайнд». Горячая струя цвета старого коньяка закручивалась в белизне фарфора.

Официантка вернула серебряный чайник времен короля Георга на большой серебряный поднос с бортиками, подвинула розетку с абрикосовым джемом и удалилась. Аромат смеси индийского, лапсанг и еще какого-то чая, настоянных на кипятке, достиг ноздрей пятидесятилетней леди, обещая самые приятные ощущения.

На фарфоровой этажерке расположились двойные сдобные булочки, великолепное сливочное масло, лимон на тарелочке, и чуть дальше, – сливки в тонком молочнике.

Когда она бывала в Лондоне, всегда старалась навестить это место.

Отель «Лангам» расположился в верхней части улицы Риджент-стрит, всего в 5 минутах неспешной прогулки от станции метро Oxford Circus. Более 70 лет отель принимал высокопоставленных лиц, в его стенах останавливались члены королевских семей.

В этих старых стенах, как говорят, прячутся привидения. В номере 333 постояльцы и горничные не раз видели образ солидного мужчины, облаченного в костюм времен эпохи Возрождения. Среди привидений отеля очевидцы с точностью опознали Наполеона III и немецкого принца, который не раз останавливался в отеле во время своих визитов в Лондон.

В свое время в Лондоне было немало гостиниц, подобных отелю «Лангам». Но менялись времена; потом настал Blitz¹. К лету 1941 года здания справа от нее и чуть дальше влево были разрушены, мостовая перед зданием изрыта, нижнюю часть больших окон закрывали мешки с песком; но сам отель уцелел.

Госпожа Кристи взяла узорными щипцами кусок сахара, бросила в чашку, размешала ложечкой с гербом; отпила маленький глоток ароматного напитка и блаженно прикрыла глаза. Открыла, чтобы увидеть, как внутренняя вращающаяся дверь пропустила женщину средних лет в темно-оливковом платье, с широким поясом, и легкомысленной шляпке с цветами.

Писательница ждала именно ее к пятичасовому чаю. Звали ее Маргарет Кид, они были знакомы со времен путешествия по Ираку в 1930 году.

Агата Кристи помахала подружке рукой.

Через минуту Маргарет уже сидела за столом и с одобрением осматривала чайные принадлежности.

– Как здесь мило. Привет, Агата.

– Привет, Мэгги. Как твои дела? – поинтересовалась Кристи.

Мэгги явно была возбуждена неким событием, – глаза блестели, лицо покраснелось, движения порывистые. Она явно готовилась облегчить душу, которую жгло изнутри, – нечто, вроде горячей вареной картошки.

– Я должна рассказать тебе одну вещь, – зловеще сообщила госпожа Кид, выбирая булочку поаппетитнее. – Но это, это страшная тайна...

У Маргарет было много достоинств. Она сплетничала, как провинциальная тетушка. Она страдала недооценностью, и стремилась доказать свою значительность, – всегда и везде; и она имела честь состоять в супружестве с Грегори Кидом, начальником 9го отдела Главного управления разведки сухопутных войск. Отдел занимался вопросами освободившихся из плена британских военнослужащих, и еще чем-то не менее важным.

Мэгги не в первый раз посвящала леди Агату в закулисные тайны британской разведки, что часто служило полезным средством для придания правдоподобия детективным историям.

– Позавчера вечером Грегори неожиданно вызвали на Набережную.

Кристи усмехнулась. Набережной называли Секретную разведывательную службу МИДа.

С Маргарет не нужно было особых усилий, чтобы что-либо выведать. Все происходило само собой.

– Он вернулся поздно и почти до четырех утра сидел на телефоне.

Мэгги заговорщически оглянулась по сторонам. Если бы за ними следил нацистский шпион, он упал бы в обморок от любопытства.

– В Британии объявился немец, руководитель...

Она понизила голос до писка.

¹ Бомбардировка Британии авиацией гитлеровской Германии, сентябрь 1940-май 1941.

– ...антиправительственной организации в Берлине. Мэгги удалось придать своему голосу важность государственного служащего.

– Он прибыл для получения помощи от правительства Черчилля... для расширения антигитлеровской деятельности.

– Жулик, наверное, – безразлично отозвалась писательница. – Я тебе говорила, что случилось в Челси, на выставке цветов? Бегонии садовника леди Бирс...

Она хорошо знала, какими дровами растапливать этот огонь.

– Агата, какие еще цветы? – прервала ее Мэгги. – Сейчас решается важный вопрос! Может ли Форин-офис разрешить использовать этого человека в Берлине, как своего агента...

– Мэгги, ты подслушивала?

– Как ты знаешь, у меня чуткий сон.

– Откуда мне знать? – удивилась леди Агата.

– Я тебе говорила. Невозможно было не услышать. Грегори полемизировал со своим собеседником на повышенных тонах. Честно говоря, он так орал!

Воображение Агаты Кристи заработало.

– А вот и самая интересная подробность, – Мэгги Кид наклонилась над столом, понизила голос до степени неразличимости. – В разговоре всплыло имя Эрнста Вёрмана... сказал... и... его сын якобы... в этот подпольный кружок. К тому же парень исчез.

– Мэгги, – раздраженно сказала писательница. – Ты можешь говорить членораздельно?

– Эрнст Вёрман, – внятно сказала Мэгги. – статс-секретарь сотрудник Имперского МИДа. Сотрудник немецкого министерства иностранных дел!

– Я знаю, что означает эта аббревиатура, – отозвалась леди Агата, думая о своем.

– У Вёрмана большие связи в Лондоне. Если будет принято решение связаться с ним...

Вот так новости!

Не это ли сюжет для новой книги, который она так долго искала? А если это будет политическая драма, на документальной основе?

Она вспомнила об Эржюле Пуаро и мисс Марпл и тут же отмела свои персонажи, как абсолютно не подходящие для новой идеи. Кто-нибудь из Управления специальных организаций; почему не прототип генерал-майора Колина Габбинса? Но помоложе, посимпатичнее... может быть, возродить полковника Райса?

Что она опять там шепчет?

– Одно из предложений собеседника так возмутило Грегори... он чуть не пробил потолок. На том конце упомянули... какие-то документы... мог привезти сюда... Грегори считает, что немец, – провокатор.

– Скажи, пожалуйста, в точных выражениях, – что сказал Грегори?

– Что этот немца нельзя допускать к секретам разведки, а это случится, если поручить привезти документы.

– А о каких документах шла речь, он не говорил?

Мэгги в упор посмотрела в лицо Леди Агате.

– Сказал... что это самых касается недавних событий.

– Это то, о чем я сейчас подумала?

– Я не знаю, о чем ты думаешь, но на этом месте Грегори бросил трубку...

Остаток беседы прошел мимо ушей Агаты Кристи, и когда она ментально вернулась в гостиную отеля, ветренная Мэгги разглагольствовала о скачках.

– В Ньюбери было холодно и дождливо. Я не стала ждать последних заездов. Хваленая кобыла Джорджа захромала, и я потеряла свои пять фунтов...

Агата Кристи потянулась и взяла подругу за руку.

– Послушай, Мэгги. То, что ты подслушала, – государственная тайна. Если ты обмолвишься об этом кому-то еще, у Грегори могут быть большие неприятности.

- Ты думаешь?
- Уверена. Вплоть до обвинения в измене.
- У Мэгги округлились глаза.
- Но я ведь только тебе...
- Пусть мною и ограничится. Договорились?
- Конечно...

После ухода слегка встревоженной Мэгги Кид писательница с четверть часа прикидывала дальнейшие действия; приняла решение, попросила счет и покинула отель «Лангам».

Ее вторая за сегодняшний день встреча состоялась в большом кабинете, заставленном старинной мебелью. Хозяином кабинет был ее старый знакомый, издатель «The Daily Telegraph» Артур Бриджстон, старый зубр британской журналистики.

Бриджстон участвовал в подготовке к публикациям последних двух книг Агаты Кристи; оказал помощь в поиске кое-какой нужной информации, и время от времени давал нужные советы. А сейчас сидел за своим столом, заваленным вырезками и папками, свистел гландами, безуспешно зачесывал пятерней растрепанные седые космы, и щурился от дыма своей сигары.

Во время публикации «Приключений рождественского пудинга» они почти подружились.

Выслушав писательницу, Бриджстон произвел гигантскую затяжку, окутался сизым дымом и сказал:

– Агата, вы конечно, понимаете, что вторгаетесь в сферу тайной армии Черчилля? Это высший уровень секретности, государственный секрет. Люди из МИ6 не любят посторонних, извините, дилетантов...

– Я не собираюсь разглашать ничего секретного, по крайней мере на документальном уровне, – ответила она, и состроила невинную гримасу:

– Зато представьте серию статей в «Телеграф».

Откинулась на спинку тяжелого кресла и сказала мечтательно:

– А какая книга может получиться!

– Предполагаю, найдется место и какому-нибудь экзотическому яду, который немецкий агент добавит в шнапс, – усмехнулся в усы издатель.

– Может, и обойдусь на этот раз. Я вижу книгу, совсем не похожую на предыдущие.

– Немецкий дипломат, – задумчиво сказал издатель. – Что ж, если вы и в самом деле уверены, у меня есть в Берлине подходящий человек.

– Я не сомневалась в ваших обширных связях, – просветлела Агата Кристи.

– Это женщина, зовут ее Ева Крюгер. Она наполовину немка, но шведская подданная. С Евой мы поддерживаем контакт. Это разносторонняя особа; она писательница, так что вы коллеги. Сейчас она сотрудничает с немецкими киностудиями как сценарист. И что немало важно, – Ева может в любой момент въезжать в Рейх и выезжать из него.

Агата Кристи прервала его:

– Неспортивно подвергать женщину смертельному риску.

– А вы сами...

– Я, – другое дело. К тому же мы на территории Объединенного Королевства.

Бриджстон опять задумался.

– Без женщин в этой истории не обойтись. Но согласен с вами, нацисты слишком опасны, особенно у себя дома...

– Как же быть?

– В Аргентине живет моя хорошая знакомая, ее зовут Гейл. Когда-то она оказывала важные услуги британской разведке. Последняя операция, в которой ей пришлось принимать участие, имела место в Вене. Это было сразу после аншлюса. Затем ее пути и пути МИ6 разо-

шлись. Я не буду вдаваться в подробности², дело в другом. В Германии у нее остались хорошие знакомые. Кое-кто мог бы заняться вашим проектом.

– И с ней вы тоже поддерживаете контакт, – засмеялась Агата Кристи.

Издатель скрылся за завесой дыма.

² Подробности можно узнать в книге «Палачи и проходимцы времен аншлюса» («Бумажный человек»)

Глава 1

Город, жаркий, как турецкая парильня, задыхался и исходил потом. Пыль на тротуарах, одежде, в ноздрях изводила горожан; из решетчатых стоков воняло, из кухонных окон несся запах помоев и тушеной капусты. Лето 1941го обещало горячие деньки.

БЕРЛИН

Уве Клюг чувствовал себя одинокой клецкой в чужой тарелке супа.

Каждое он просыпался незадолго до семи. Иногда за окном было светло; чаще, – темно.

Несколько минут уходило на то, чтобы убедить себя, что жизнь лучше смерти. Какая бы она ни была.

Он улыбался в темноте, растягивал мышцы лица, губы, и некому было оценить эти жалкие гримасы. Садился на край постели, таращил глаза и мечтал, чтобы новый день уже прошел, и он мог вернуться домой, и снова лечь в постель, чтобы заснуть, и снова смотреть тягучий черно-белый сон.

Сны тоже снились одинаковые. Даже не так, – сны он видел всегда одни и те же, и начинались они всегда одинаково, а продолжение Уве видел на следующую ночь, и на следующую, чтобы медленной спутанной лентой вернуться в точку, откуда сон начинался.

Снизу доносился грохот колес первого трамвая, гудки машин с соседних улиц. Уве лежал или сидел, перекладывая, словно пасьянс, дела и события, ожидавшие решения в новом дне, – потрепанные одинаковые карты, он их тасовал каждый день, – зубная щетка, кофе, берлинская улица, мастерская, инструменты; потом перетасовывал карты еще раз, – улица, кофе, мыло, мотоцикл, Эльза, деньги, мастерская. И если разложить карты в нужной комбинации, они приобретут смысл, начнут что-то значить, начнется игра и пройдет день.

Позже Уве оказывался у зеркала, чистил зубы, брился; еще через время пил кофе, спускался по узкой лестнице на задний двор, к мотоциклу. Кто-то дергал за ниточки, управляя Уве, словно куклой; он запускал двигатель, садился в седло, выруливал на улицу.

Мелькали углы, вывески, витрины и афишные тумбы. Мотоцикл пролетал вдоль Борнхольмерштрассе, поворачивал на перекрестке и рычание мотора отражалось от стен домов. Уве вкатывался под вывеску «Прокат и ремонт автомобилей. Глушил мотоцикл, одевал спецовку. Выбирал нужный инструмент.

Казалось, он чинит один и тот же автомобиль, накачивает одно и то же колесо, – изо дня в день, из месяца в месяц. Временами это неторопливое течение жизни умиротворяло. Стабильность, покой, не о чем волноваться...

Однако же Уве нельзя было назвать человеком без мечты. Безнадежная надежда появлялась на пороге бодрствования и сна; на границе дремоты и пробуждения...

Время от времени появлялась Эльза Форст.

Настоящий владелец мастерской. Вдова, она стала таковой почти семь лет назад, когда погиб ее муж, Руди. Руди, фронтовой товарищ, самый близкий после родителей человек...

С тех пор Эльза почти не изменилась, лишь прядка седых волос подчеркнула изгиб короткой челки.

Иногда они разговаривали, коротко и без приязни. Чаще лишь здоровались, отводя глаза.

Первый раз это случилось через полтора года после смерти Руди. К тому времени старые клиенты, после небольшого перерыва, вызванного смертью хозяина, стали возвращаться. Никто не говорил «обратиться в мастерскую», но «поехать к Руди». Руди сделает. И саму Эльзу за глаза стали называть не иначе, как Руди.

Ей было все равно.

Однажды Эльза появилась в мастерской в сопровождении немолодого, франтовато одетого типа. Старше ее лет на пятнадцать. Снаружи остался ждать роскошный «Fiat 514 MM Spider Viotti» 1931го года выпуска. Кремово-вишневый красавец.

– Господин Штерн жалуется на заживание, – чуть смущаясь, объяснила Эльза. – Это осложняет жизнь.

– Да, у моей малютки что-то с катушкой, – самодовольно подтвердил франт, вынимая изо рта дымящуюся трубку.

У господина Штерна, судя по внешнему виду, с жизненным заживанием все было не так плохо. Этот человек одевался как лондонец, от него пахло дорогим табаком и большими деньгами. И еще от него пахло изменой.

Через полгода появился господин Генрих, писчебумажный магазин, спортивная «Danvignes 6CV Sport».

Еще через год, – оберст-лейтенант Глиц. Этот принес в челюстях военный заказ на ремонт дизельных двигателей армейских грузовиков «Henschel», «Bussing» и «Krupp». Пришлось брать на временную работу двух дополнительных механиков, в помощь Уве и второму механику мастерской Лео Брюну. В кассе завелись хорошие деньги.

Дни выстраивались в мелкую цепочку, ее звенья неразличимы, как вкус супа и бутербродов из закусочной Евы Шмутгардт, кормившей весь квартал, – через три дома от мастерской вниз по улице. Эльза становилась все более холодной и неприступной, ее наряды все более

дорогими, автомобили ее «друзей» все роскошнее. Неприступность и высокомерное молчание, как форма защиты от одного единственного вопроса:

«Как ты можешь?»

Если бы Уве Клюг мог задать его, она бы прекрасно поняла, что это значит.

«Как ты могла забыть о Руди?»

Но у самого Уве не было права задать этот вопрос. И не потому, что Эльза сама могла подойти к нему и сказать: «В моей жизни появился мужчина. Прости». Уве не был ни ханжой, ни святошей. Эльза, – еще молодая привлекательная женщина и может сделать со своей жизнью что угодно. Просто, как часто в подобных случаях, он сам был виноват перед памятью Руди. И как виноват...

Песок в часах сыпался, Уве все больше погружался в уныние и забвение. Он походил на автомат, который забыли выключить, и тот непрерывно выдавливал одинаковые детали, – пока не кончились заготовки.

Этот день начался в том же порядке. Произведя нужные санитарно-пищевые процедуры, Уве вывел мотоцикл на улицу, оседлал его и выехал на улицу. По обе стороны мелькали знакомые до мельчайших деталей витрины, афишные тумбы, кованые решетки метро и двери угловых магазинчиков. Кто-то раз за разом прокручивал один и тот же фильм: «Берлин в утреннем свете», и заставлял Уве Клюга смотреть его в тысячный раз.

И все же сегодня судьба предложила Уве некоторое изменение в распорядке. Это случается даже с верными рабами привычки, в большом городе, где на сравнительно небольшой площади трутся о бока сотни тысяч горожан, тысячи трамваев, повозок, автобусов, сотни машин.

Карлсбад тихая улочка, которую пересекает широкая Потсдам, – несравненно гораздо более оживленная улица, особенно в утреннее время. Именно оттуда, на пересечение, на большой скорости, вылетел черный «Cadillac Series 70 Convertible Coupe», 1940 г выпуска. Тяжелую машину занесло на повороте, и Кадиллак завизжал покрывками, борясь с центробежной силой.

Ничего невозможного для этого здоровяка в таком маневре не было, если бы у левого переднего крыла не появилась такая мелочь, как мотоцикл «БМВ Р 57», за рулем которого сидел Уве.

Водитель резко крутанул руль, машина вильнула вправо; Уве, чтобы не соприкоснуться с блестящим крылом, отвернул мотоцикл в противоположную сторону; его колесо чиркнуло по ограждению памятного монумента «Олимпийский дискобол», поставленного на углу Потсдам в память о событиях 1936 года.

Как часто бывает в таких случаях, дело решили миллиметры. Возьми он еще три миллиметра влево, и лежать бы Уве с переломанными ногами на тротуаре. Или разбитым черепом, или сломанной спиной. Пять миллиметров вправо, – и Кадиллак снес бы Уве с проезжей части.

Но баварец устоял и продолжил движение параллельно бордюру; Кадиллак, издав несколько частых гудков, выровнялся, выпустил клуб бензинового выхлопа, набрал скорость и ушел вперед по Карлсбад, в сторону Хафен.

Уве, словно ковбой норовистую лошадку, усмирив мотоцикл, выровнял переднее колесо, сбросил скорость. Причалил к бордюру, поднял кисти рук к глазам.

Пальцы плясали.

Двое прохожих стояли невдалеке, на фоне витрины шляпного магазина, и, разинув рты, смотрели то в сторону Клюга, то в сторону синего облачка, оставшегося от сошедшего с ума автомобиля.

– С днем рождения, Уве, – пробормотал Клюг.

И в самом деле, сегодня ему исполнилось 42. Видимо, судьба решила, что повторение календарных цифр на могильном камне слишком плоская шутка, и оставила Уве еще возможность побыть на этой стороне почвы.

Глава 2

Чтобы восстановить потерянное душевное равновесие, Уве закурил, невидяще уставился в мощное покрытие перед колесом мотоцикла.

Дрожь в пальцах унялась, но вместо этого заняло правое бедро. Уве переложил сигарету в левую руку и досадливо коснулся свободной ладонью пульсирующего током места на ноге.

Боль как память о шестинедельной войне.

Ровно год назад осколок французского снаряда рассек кожу ноги и застрял в плоти.

Тогда...

Шестая армия группы армий Б стремительным броском форсировала реку Маас и к вечеру 13 мая прорвала линию Мажино. В составе 76 пехотной дивизии, в одной из рот гренадерского полка Уве Клюг и принял участие рядовым пехотинцем.

К 4 июня Бельгия и Нидерланды были захвачены и немецкие силы вторглись во Францию. Проходя по 50 километров в день, и не встречая почти никакого сопротивления со стороны деморализованных французов, немецкие войска перегрупповались для битвы за Францию. Группа армий Б начала наступление от Соммы, и 9 июня, прорвав оборону французской 10й армии, вышла к Сене.

12 июня французы и шотландцы начали сдаваться в плен; танки Клейста оказались в пригородах французской столицы, и 14 июня, без боя, был сдан Париж.

Но сам рядовой Клюг в захвате Парижа участия не принимал, потому что маленький стальной кусочек нашел его ногу и впился в нее. Это случилось где-то в поле, в прямой видимости холмов, обшитых виноградниками, между руслом Сены и побережьем.

Клюга отправили домой.

Осколок аккуратно вытащили в армейском полевом госпитале. На память осталась боль, нагрудный знак «За ранение» 3-й степени и звание оберфельдфебель. Звание он получил списком, подписанным генералом Вальтером фон Рейхенау.

«Черное ранение» лежало в старом чемоданчике, в конверте, – в том, в котором знак вручили Уве в лазарете; боль он теперь всегда носил с собой.

Он отбросил окурок.

Неужели это навсегда, – когда бедро прострелит тонкая молния, память будет перебрасывать его к виноградникам Шампани?

Он вздохнул, посмотрел на наручные часы, запустил двигатель.

Он уже опаздывал на десять минут, что для Уве было серьезным нарушением расписания. Когда Уве подкатил к мастерской, во дворе стоял тот самый автомобиль.

Уве чертыхнулся, въехал во двор, подрулил к гаражу и заглушил двигатель. Он собирался зайти в гараж, когда со стороны конторы его окликнула Эльза.

Он подошел к женщине, нахмурился, пытаясь бровями прикрыть глаза.

– У тебя много работы? – спросила Эльза.

Уве не сдержался:

– Новому поклоннику нужна проверка давления в шинах?

Эльза закусил губу.

Повисла тяжелая пауза. В глубине гаража стучали металлом по металлу, шипел сжатый воздух.

После молчания Эльза отчеканила:

– Это клиентка. Что-то не в порядке с двигателем. ТЕБЯ ей рекомендовали, и может, это ТВОЯ поклонница. Она, кстати, молодая и красивая.

Резко развернулась и пошла в контору. Уве осталось плестись сзади, точно наказанному ученику.

Хозяйка Кадиллака курила, стояла у окна. Когда Уве зашел в помещение, повернулась и осмотрела его с головы до пят, с таким интересом, будто между ними предстояло нечто большее, чем ремонт мотора. Уве глухо поздоровался, бегло осмотрел женщину в ответ.

Облегающий кожаный костюм выпятил наружу все достоинства действительно хорошей фигуры, – длинные ноги, высокая грудь; все остальное также оттопыривалось в соответствующих местах.

– Господин Клюг? – уточнила женщина, отводя руку с дымящейся сигаретой.

– Точно так.

Женщина представилась.

– Ева.

– Ева кто, простите? – попытался уточнить Уве.

– Пусть будет просто Ева, мне так подходит. Я хочу, чтобы вы посмотрели мой Кадиллак. Понимаете, с ним что-то происходит. Какой-то он грустный последние дни. Как мне сказали, вы классный механик...

Она задумалась, щелкнула пальцами свободной от сигареты руки.

– Барахлит зажигание! Мой красавчик жалуется, трещит, хрипит...

Будто рассказывает о любимом родственнике.

– Давно за рулем? – спросил Уве.

– Я опытный шофёр! Это моя страсть. А почему вы спрашиваете?

– Потому что полчаса назад вы чуть не снесли меня вместе с мотоциклом на Потсдам. На секунду мне показалось, что я способен заменить каменного дискобола на постаменте. Кажется, тогда с вашей машиной все было в порядке.

– Ах, так это были вы! – развеселилась Ева. – Да, это была волнующая встреча!

Словно речь шла о вечеринке на прошлой неделе.

– Вы в порядке? Ну и хорошо. Так как моя проблема?

Ева покосилась на Эльзу, которая так и не открыла рта.

– Извольте, поглядим, – сказал Уве. – Схожу за инструментом.

Вблизи Кадиллак казался крейсером. Двухдверное купе со сверкающими боками, никелированными воздухозаборниками, выпученными мощными фарами. Машина для богатых.

Под капотом Уве провел не больше трех минут. Его не привлек моноблок двигателя, потому что он сразу нашел проблему. Он дернул проводок аккумулятора и тот поддался.

На шляпке винта блестела свежая царапина. Винт недавно откручивали.

– Ну что там? – спросила женщина. – Будет жить?

Уве молча выпрямился, убрал стойку и закрыл капот, сел на кресло водителя, включил зажигание.

Двигатель запустился ровно и сильно. У этой машины было сердце сангвиника, бегуна на длинные дистанции.

– А так всегда будет? – она захлопала в ладоши.

– Чтобы быть уверенным, – сказал Уве глухо. – Надо полностью разобрать мотор, промыть детали, сменить смазку, кое-что заменить. Неделя...

Ее брови полезли вверх.

– Мне показалось, что мотор работает исправно, – сказала она неуверенно. – Я...

Она игриво осмотрела Уве.

– ...настаиваю на пробной поездке!

Он поднял глаза.

Сдобное, миловидное лицо ее, обрамленное искусно уложенными локонами, сияло добродушием. В ушах, на шее и на груди блестела чехословацкая бижутерия.

Широко раскрытые наивные глаза диссонировали с вызывающе обтягивающей роскошное тело кожей костюма.

Уве аккуратно сложил отвертку и пассатижи за блестящее ограждение противотуманных фар, вытер руки тряпицей.

– У вас есть шофер? – спросил он.

– А вы хотите предложить свои услуги? – кокетливо отозвалась женщина. – Я подумаю...

Потому что шофера у меня нет.

– В таком случае это вы сами отвинтили винт клеммы. И недавно. Может быть, уже в этом дворе. Из этого следует вопрос: зачем вы здесь?

Ева посерьезнела, – по крайней мере, перестала стрелять глазками и крутить кулончик на груди. Задумчиво прикусила нижнюю губу.

Смерила его взглядом:

– Я предложила пробную поездку, не так ли?

– Она вам не нужна. Автомобиль в полном порядке.

– Вам привет из Аргентины.

Уве, продолжая вытирать руки тряпкой, быстро ответил:

– Никого из Аргентины не знаю.

Слишком быстро.

– В таком случае, почему бы вам не протереть тряпочкой колечко на левой руке? Кажется, оно платиновое? Такая редкость... можно взглянуть поближе?

– Поехали, – Уве уронил тряпку под ноги. – Кто за рулем?

Ева ехала столь неосторожно, что после очередного срезанного угла, когда правые колеса выскочили на тротуар, Уве сказал:

– Разрешите, – я сяду за руль. Иначе разговора не получится.

Они поменялись местами.

– Я слушаю, – сказал Уве, оказавшись в шоферском кресле.

– Вас рекомендовали, как надежного человека с профессиональными навыками, – начала

Ева. – Вы как будто умеете находить людей.

– Рекомендация прибыла из Аргентины вместе с приветом?

– Вероятно. Это не важно. Нужна ваша помощь.

– Вам?

– И мне в том числе. Нужно найти одного молодого человека.

– Жених? Сбежал?!

– Кажется, я зря согласилась на эту глупую миссию, – надулась Ева.

Уве объехал Тиргартен по Будапештер, повернул на Лейпцигер.

– И все же... – голос женщины прозвучал вызывающе упрямо.

Уве поднял руку.

– Помолчите три минуты, – попросил он. – Потом все, что хотите.

У него была знакомая в Аргентине. Гейл.

Уве крутил руль, мелькали с детства знакомые углы, проезды, здания.

Эта Ева... все это похоже на провокацию. Но зачем? Кого интересует скромный мастер заштатной мастерской по ремонту авто и мототехники? «Сипо», уголовную полицию, полицию порядка?

Он жил тихой обыкновенной жизнью. Участие во французской кампании и ранение служило дополнительными доказательствами лояльности.

Но венская, полуторогодичной давности история, когда Уве познакомился, – и очень близко, – с Гейл, работавшей на английскую разведку, могла повлиять на события сегодняшних дней. Гейл тогда ушла и от своих, и от СД; очень обидела местного гауляйтера Бюркеля; и не она одна³

³ См. вторую книгу серии «Палачи и проходимцы времен аншлюса» («Бумажный человек»)

И вот появляется эта пухлышка, просто падает с неба, и покой и уныние Уве Клюга нарушены...

– Я вас слушаю, – сказал он. – Больше ни слова с моей стороны.

– Так-то лучше, – проворчала Ева. – Остановитесь-ка вон там, под деревьями, хочется свежего воздуха.

Из-за ограды Тиргартена к центру дороги тянулись ветви деревьев. Здесь было пустынно, основная толчея осталась на Шарлоттенбургер и Курфюрстендамм. Уве аккуратно подкатил к тротуару и остановился в густой летней тени.

Заглушил мотор и повернулся к женщине.

Со стороны могло показаться, что парочка решила заняться поцелуями вдали от городской суеты. Видимо, Еве это сравнение тоже пришло в голову, и ее щеки слегка порозовели.

– Да... – она немного растерялась, но быстро взяла себя в руки. – Итак, вопрос в исчезновении молодого человека по имени Курт Вёрман. Богатая семья. Обширные связи...

Она говорила долго. Об умном молодом человеке, о безутешной матери, богатой семье, рано умершем отце...

Когда женщина закончила, Уве уточнил:

– Кто просит? Родственники?

– Формально да. Совет обратиться к вам, однако, пришел издалека. От кого, – не знаю. Заплатит мать этого парня. Вам не все равно?

– А почему не обратились в полицию? – спросил Уве. – Я ведь не частный детектив.

– Но зато вы, – полиция. Бывшая, знаю. К тому же в «крипо»⁴ мать обращалась. Бесперспективно. Но... Адвокат семьи пришел к выводу, что если расследованием займется частное лицо, есть шанс. Похитители или кто там причастен к исчезновению, пойдут на контакт. С полицией же криминалу иметь дело опасно.

– Если тут замешан криминал.

Ева посерьезнела:

– Ваше решение? Если возможно, не тяните. Жизнь человека в опасности. До вечера времени хватить принять решение?

– Надо подумать...

– Подумайте!

Он нахмурил брови:

– Подумал.

Она нетерпеливо пошевелилась и даже притопнула ножками по полу.

– И?

– Нет.

– Нет? – она всплеснула руками. – Как же так? Мальчик пропал!

Уве пожал плечами:

– И не он один. Неинтересно. И, кстати, – а вы кто такая?

Повисло молчание. Потом Ева сказала:

– Хорошая подруга матери.

Он резко повернулась к Уве:

– Потраченное время будет хорошо оплачено! Сколько вы получаете в месяц?

Уве наострил уши.

– Не ваше дело.

– Ну... сто – двести марок зарабатываете?

– Пусть будет так.

⁴ Уголовная полиция. К 1941 году входила в Главное управление имперской безопасности

– Семья заплатит пятьсот. Плюс расходы. Это за несколько дней вашей бесценной жизни. С вашей Эльзой я договорюсь.

Ей бы мебелью торговать. Или автомобилями.

– Увольте. Обойдусь без ваших переговоров.

– Как хотите.

Он запустил двигатель:

– И все-таки, – почему я?

Она засмеялась:

– Привет из Аргентины, querido detective! Я вам уже докладывала. Пока это все, что я знаю. Беретесь? Пишите адрес...

Глава 3

Эльзе, кажется, было все равно. Когда она услышала, что Уве возьмет выходной, она лишь коротко кивнула.

Тем дело и закончилось. Он был свободен.

Уве все-таки решился. Порасспрашивать о пропавшем молодом человеке не слишком обременительно, и согласился он по двум причинам.

Захотелось встряхнуться, выскочить из беличьего колеса, внутри которого он бегал уже без малого год. Вторая причина, – деньги. Обещанная сумма плюс расходы за два-три дня работы, без машинного масла и запаха бензина, – это не так плохо.

К тому же Уве не мог видеть скучное лицо Эльзы и опостылевших механиков.

Для начала он отправился к безутешной матери пропавшего Курта Вёрмана.

На тихой и уютной Шатигештрассе этот дом не выделялся фешенебельностью или богатством фасада. Два этажа с мезонином; старые деревья закрывают окна второго этажа от посторонних глаз. Из-за листвы почти не виден вход с балконом над ним, поддерживаемый колоннами.

Соседние здания, по меньшей мере не хуже. Но если сравнить этот бело-коричневый особняк с любым другим, скажем, из Фриденау, сравнение окажется разительным. Такой домик на жалованье государственного чиновника не купишь.

Внутри старинная мебель, гобелены, тяжелые портьеры из дорогих тканей; в гостиной ковер весом в половину тонны.

Но внутрь еще надо попасть. Если вы не приглашены специально или не являетесь другом дома, это почти невозможно.

Сначала Уве остановил охранник с военной выправкой.

– Вы к кому?

Охранник остановил продвижение Уве к колоннам входа бесцеремонно, – толкнув в грудь ладонью. Безликая форма, механические движения и равнодушное выражение стеклянных глаз.

– Я договорился о встрече с госпожой Вёрман, по телефону, – кротко доложил Клюг, страстно не любивший охранников, швейцаров и часовых.

– Время? – спросил охранник.

Похоже, что этого болвана с утра заводили ключиком, вставляя его в задний... в скважину на спине.

– Одиннадцать, – Уве начал злиться.

Охранник махнул рукой и со ступеней спустился второй. Камердинер, швейцар, лакей? Прислуга в ливрее.

– Вам назначено?

У этого лицо сияло, как медный таз для варенья.

– На одиннадцать.

– Да-да, – еще более просветлел ливрейный, пусть это казалось невозможным. – Господин Клюг. Прошу, вас ждут.

До госпожи его доставила молоденькая служанка.

Теперь он сидел в гостиной, обшитой тканью стального цвета, и гадал, сколько же в доме слуг.

Ну и дом...

Госпоже Вёрман было не более 45-ти. Массивное тело, величественно посаженная голова, тяжелое платье. Когда она вошла в гостиную, комната оказалась вдруг меньше, чем казалась во время ожидания.

– Господин Клюг, – она подала руку. – Как хорошо, что вы здесь. Прошу вас... Если вы не возражаете, мы сядем в креслах у окна.

Не дожидаясь ответа, она прошла вглубь.

Дневной свет выявил темные пятна под глазами и трагически опущенные уголки губ.

Уве приготовил карандаш, пристроил маленький блокнот на колене, начал задавать вопросы. Писал он быстро, сокращая слова, без заглавных букв и знаков препинания.

Ее голос был тих и надломлен.

Сыну, Карлу, исполнился 21 год. Работал на незначительной должности в Берлинской судебной службе, но, судя по словам матери, молодого человека ждало скорое продвижение. Это стало ясно чуть позже, когда речь зашла об отце.

– Когда ваш сын исчез?

Женщина достала из рукава платок и промокнула уголки сухих глаз.

– Девять дней назад, – сказала она твердо, лишь на последнем слове голос дрогнул.

– Карл собрался и ушел на службу, – уточнил Уве, отрываясь от блокнота. – Так.

Ее лицо потемнело.

– Карл... еще в марте... сошел с ума.

– Так. В чем это проявилось?

После пауз, манипуляций с платком, предложения чаю, -от которого Уве отказался, – госпожа Вёрман рассказала, что ее сын еще в марте перестал ходить на работу, сильно замкнулся. Он и раньше увлекался мистикой, а к тому времени вопросы загробной жизни и общения с потусторонними силами завладели им в болезненной форме.

– Карл стал исчезать, иногда на несколько часов. Обычно вечером. Приходил поздно, вел себя замкнуто. Стал бояться темноты. Однажды напугал меня, утверждая, что каждую ночь видит силуэт императора Вильгельма Второго на стене спальни.

– К врачам не обращались? – спросил Клюг.

– Обращались. Доктор по душевным заболеваниям. Поставил диагноз, – атипичная депрессия.

– Это что такое?

– В том-то и дело! Сонливость, объедание, резкая смена настроения. Спал он больше чем обычно, но ел мало. Почти все время вел себя угрюмо, был молчалив. Ах, да! Панические атаки! Этого было достаточно...

Уве вздохнул. На роль мозгоправа он не годился.

– С кем общался?

– Со своим приятелем Хельмутом. Эти оба могли провести половину дня в беседах. Господи, они обсуждали общение с духами, предсказания будущего, мечтали о беседах с предками...

Она передернула плечами.

– Все это время Карл зачитывался эзотерической литературой. Все полки заполнены книгами, и всё прочитано от обложки до обложки, с пометками на полях, выпиской цитат...

– Могу я посмотреть его комнату? – спросил Уве, поднимаясь.

Кажется, он взялся за непосильную задачу. Парень свихнулся и сбежал от своей мамы из дому. Пусть его полиция и ищет...

Угловая комната на втором этаже и в самом деле была заполнена книгами, ни одну из которых Уве не взял бы в руки без особой причины.

Он прочел названия на корешках.

«Эзотерика как духовный путь человека. Сущность и демаркация».

«Объективизм по Айн Рэнд и Красная пешка».

«Орден Золотого и Розового Креста».

Кроме немецких, здесь были французские и английские издания.

– Ваш сын говорил на английском и французском?

– Карл получил великолепное образование, – ответила госпожа Вёрман. – Его готовили к дипломатической карьере.

Уве вздохнул. «Специфика ясновидения как предсознания», И эта комната, и эта гора макулатуры для него бесполезны.

– Хельмут, приятель вашего сына. Кто он?

– Хельмут Гаусс, сын Фридриха Гаусса, посланника, руководителя правового отдела Центрального аппарата МИДа.

– Давно они дружат?

– Изучение юридических наук в университете Гейдельберга.

– Где я могу его найти?

Госпожа Вёрман разрыдалась.

– Принести вам воды?

Она затихла, лишь прижимала платок ко рту. Когда женщина его отняла, Уве заметил на батисте пятнышко крови.

– Послушайте, господин Клюг, – она судорожно вдохнула спертый воздух комнаты. – Вам дали рекомендации... о вас отзывались, как о человеке, строго соблюдающим конфиденциальность. Есть еще кое-что...

– Что именно?

Она отчаянно посмотрела на Клюга.

– Понимаете, разговоры... Карл позволял себе...

– Я слушаю.

– Не знаю, могу ли я...

– Вы можете сообщить мне любые подробности, – сказал Уве. – Я не официальное лицо. Я даже не частный сыщик. Я еще не решил, возьмусь ли я... просто я хорошо знаю человека, отозвавшегося обо мне столь лестно. Видимо, у того человека были на это свои причины. В любом случае, ваши слова не покинут эту комнату, уверяю вас, – вне зависимости, возьмусь я за поиск вашего сына или нет.

– Хорошо, – щеки госпожи Вёрман покрыли красные пятна. – Карл в последнее время позволял себе говорить невозможные вещи. Знаете, как на листовках красных. О государстве, о власти, об арестах...

– О фюрере?

– И... да, тоже, – она со страхом посмотрела на Уве.

Он ответил удивленным взглядом.

Это было неожиданно.

Глава 4

Хельмут Гаусс жил в районе Шарлоттенбург.

Во время поездки туда Уве размышлял, стараясь следить за дорогой. Приключения с Кадиллаком ему было достаточно.

Отец Карла, Эрнст Вёрман, похоже, был птицей самого высокого полета. Дипломат, сотрудник Имперского МИДа, статс-секретарь и так далее. Гестапо должно было в лепешку разбиться, чтобы найти любимого сыночка. Но следствие потерпело неудачу, и вновь испеченный частный детектив Уве Клюг помчался на помощь.

Клюг давно был вольной пташкой, и ему нравилось быть самому себе начальником.

Но сейчас...

С первой секунды, как он кивнул, соглашаясь заработать легкие деньги на стороне, его не покидало ощущение нитей, пристегнутых к его телу. Кто-то, о ком Клюг не имел ни малейшего понятия, управлял событиями в этой постановке, и посчитал что он подходящая марионетка.

Что же ему не впервой. Если все пойдет гладко, увидим, кто кого будет дергать за ниточки...

Трехэтажное здание стояло под сенью старых деревьев в квартале на Ветеранштрассе, образованного Каналштрассе и Валл. Каждый этаж занимали всего три квартиры, и снять самую скромную из них на доходы автомеханика Уве смог бы лишь на два-три месяца.

Сам дом, с двускатной высокой черной крышей и белым фасадом в верхней части, был чудо как хорош. Кремовый первый этаж, высокий арочный вход с лепниной, четыре ангелочка в ряд; в арочном замке замысловатый герб, и ниже, – большой мрачный орел.

Но не на герб, не на гипсового орла, и не на ангелочков уставился Уве, ставя на подножку свой мотоцикл; в глаза бросился полицейский фургон, оставленный у входа. А еще санитарная карета; и еще черный Мерседес.

У Уве сердце провалилось сквозь пищевод прямиком в желудок. Именно такого типа автомобили, «Mercedes-Benz 260 D», использовались уголовной полицией и гестапо для своих нужд.

У входа стоял толстяк в сером костюме. Штанины собрались гармошкой на пыльных туфлях, поля шляпы грустно повисли, прикрывая толстые щеки. Человек походил на упавшего духом серого слоненка. Кожаный планшет в руке странным образом усиливал это впечатление.

За последние семь лет слоненок прибавил килограммов двадцать. Из простого инспектора он превратился в старшего и получил пустяковое звание в иерархии СС. Но продолжал заниматься все тем же, – поножовщиной, домашними убийствами, пьяным членовредительством.

Значимыми делами и политикой занимались другие.

– Уве Клюг, – сказал старший инспектор горестно. – И какого черта ты делаешь?

– Вольф Функ, – в тон ответил Уве. – Могу спросить то же самое. Какой болван оторвал тебя от стола в отделе?

– По крайней мере я полицейский. А ты неизвестно кто.

– Неучтиво так обращаться с начальником.

– Бывшим.

Уве протянул руки и поправил собеседнику перекошенный набок галстук цвета мыши, попавшей в западню.

И в самом деле, начальником Функа Уве Клюг считался лишь до марта 1934 года. Тогда Функ отличался лишь одним качеством, – он прекрасно крутил баранку; как детектив он был никем.

– А теперь скажи мне, Вольф. Причина, по которой ты покинул кабинет и принес тяжелое тело сюда, случаем не носит фамилию Гаусс?

Функ запыхтел:

– Ты как гриф-трупоед, за полгорода чувствуешь покойника. Ехал бы ты своей дорогой...

– Откуда бы тебе знать повадки грифов? – спросил Уве. – Неужели ты выправил пропуск в городскую библиотеку? Или в зоопарк? Раньше кроме протоколов ты ничего не читал, да и те невнимательно.

– А ты все та же скотина. – затряс щеками Функ. – Уезжай!

– А кто же даст тебе пару советов, чтобы ты впечатлил своего нынешнего шефа?

– Ты хочешь сказать, что я не гожусь для расследования убийств? – вскипел полицейский.

Уве решил, что взял неправильный тон.

– Вольф, – сказал он. – Ты совсем не дурак и хорошо знаешь, с какого конца держать ручку с пером. Но на месте я всегда был... немного лучше. Давай поможем друг другу. Ты вкратце опишешь картину, а я помогу, чем смогу... чтобы ты не выглядел, как всегда, полным болваном.

Функ сжал зубы, но, видимо, крыть было нечем. Старший инспектор знал свой потолок, а нахал Клюг мог оказаться полезным.

– Тут нет никакой загадки, – буркнул Функ. – Свежий труп. Картина ясная. Полностью. Одна закавыка.

– Так убитый, – это Гаусс? Старший или младший?

– Старший сын, – неохотно ответил полицейский.

– Хельмут Гаусс, 21 год, сын дипломата; в последнее время вел себя необычно, – был замкнут, увлекся потусторонней чепухой. Изменил ритм жизни...

– Повесился, отравился?

– А вот и не повесился, – сказал Функ с превосходством. Потом почесал висок. – Но... ты его знал, что ли?

– Нет. Значит, убийство? Так в чем причина смерти?

Функ осмотрелся. Он прекрасно понимал, что обсуждение дела, где замешан труп, с посторонним, да еще бывшим полицейским, может стоить ему следующего звания. Сказал тихо:

– Перерезано горло.

– А ты чего здесь торчишь?

– Только что отправил подозреваемого в Управление.

– Ах ты, слоник... Какой молодец. Не прошло и, сколько, – часа, а у тебя уже подозреваемый.

Функ подозрительно нахмурился:

– Ну ты и жук, Клюг. Все вытянул, что хотел, – а про свое дело ни слова.

– Да потерялся тут один парнишка, его мамаша попросила его разыскать. Они вроде с этим были приятели. Ничего такого, – знакомая знакомой. Каждый уверен, что если я работал в полиции, могу творить чудеса. Не поверишь, обращались по поводу кошек и собаки. Черт-те что...

Функ простодушно усмехнулся:

– Как низко ты пал.

Из парадного вышел полицейский в униформе, глянул на шефа.

– Ну что там? – заорал Функ.

– Криминалисты закончили гостиную, старший инспектор. Врач осматривает убитого.

– Можешь курить. Жди, когда уедут. Тогда отправим тело в морг.

Уве сказал:

– Ну, не томи. Как все было; и в чем твоя закавыка.

Унылый слоник, кажется, забыл свое превосходство над Уве.

– Мать услышала шум в гостиной. Когда вбежала туда, жертва лежала на полу с перерезанным горлом. Над ним сидел младший брат, с ножом в руке. Кровь... мать упала в обморок, сейчас ее в спальне откачивает домашний врач.

– Это все, что она сказала? Ты ее допрашивал?

– Я же тебе доложил. Она в обмороке, про младшего брата рассказала горничная.

– Ну а в чем же ты сомневаешься? – спросил Уве.

– Картинка ясная... только братец отрицает, что это он ударил.

Клюг поправил Функу загнутый воротник пиджака. Воротник вытерся от долгого слушания.

– Мне надо посмотреть тело.

– Уве, ты наглец.

– Я пытаюсь облегчить тебе жизнь. Посмотрю на покойника; версия у тебя есть, – поедешь получать поздравление за раскрытие по горячему.

Функ вздохнул:

– Внутри не зайдешь. Ни-ни. Жди здесь. Сейчас санитары вынесут.

Ожидание включило две сигареты и размышления о дальнейших шагах.

Когда носилки вынесли, Уве поднялся с сиденья мотоцикла и подошел ближе. Щуцман поднял руку, но вышедший за носилками Функ кивнул:

– Пусть посмотрит.

Уве откинул простыню.

Под ней лежал молодой рыжеволосый парень, кожу лицо покрывали розовые прыщи. Мальчишка был некрасив, и рана под подбородком не делала его привлекательнее.

Уве осмотрел ранение. Санитары нетерпеливо переступали с ноги на ногу, как извозчицы клячи.

– Смотри, Вольф, – сказал Уве, указывая пальцем на шею мертвеца. – Вот вход ножа, это справа. Потом нож ушел горизонтально на другую сторону, и здесь всего лишь вспорол кожу и расцарапал щитовидный хрящ.

– Ну и что?

Уве не ответил, поднял простыню выше и заглянул под нее.

– Так я и думал, – пробормотал он.

Завизжали тормоза. К полицейскому фургону подкатил золотистый «Хорьх 930V» с открытым верхом. Оттуда вынесло немолодого, хорошо одетого человека; он подбежал к носилкам, оттолкнул полицейского врача.

Уве отошел в сторону.

Посланник Фридрих Гаусс, отец парня. Уве ждал крика, плача, – но отец стоял молча, смотрел в мертвое лицо сына. Повернулся к Функу.

– Что я должен делать? – услышал Уве.

Санитары стояли, уставившись на носки своих ботинок. Старший инспектор зачастил тихо, забормотал убедительно.

– Хорошо, – рявкнул Гаусс-старший, коротко кивнул седой головой.

У советника была породистая голова, узкое лицо, короткая стрижка, сидевшая на черепе словно шлем, склеенный из идеально белой бумаги.

Он, широко шагая, двинулся к ступеням.

Уве в два скачка достиг Функа, схватил его за рукав, шепнул:

– Спроси его: младший брат правша? Если да, выйдешь, скажешь. Если левша, можешь допрашивать дальше. Понял?

– Иди к черту, – прошипел Функ и поспешил за прямой спиной дипломата.

Уве остался ждать.

Функ появился не скоро; подошел к мотоциклу, попросил сигарету. Закурил, сказал:

– Правша. И что? Говори быстрее, сейчас он проверяет, все ли в гостиной на месте. С ним мой инспектор, но это ненадолго.

– Это самоубийство, – сказал Уве с видом фокусника, достающего из цилиндра поросенка. – Предсмертной записки не было?

– Узнаю Клюга, – разозлился старший инспектор. – Почему самоубийство?

– Разрез, глупец. Удар нанесен в левую сторону горла. Потом последовало горизонтальное движение, которое разорвало кожу. Если бы младший брат был левшой, он бы ударил так же, – справа налево. Иначе пришлось бы выворачивать руку слева направо, и надрез не был горизонтальным.

– А почему ты уверен, что убитый правша?

– Часы на левой руке.

Функ сморщился:

– Сомнительно...

– Но весьма вероятно. Записка была?

– Нет. – Полицейский отбросил окурочок. – Но было кое-что другое... та самая записка.

Он вытащил из планшета бумагу размером с двойной тетрадный лист. Цветными карандашами на лист нанесли рисунок, похожий на восточный ковер. В центре обнаженная мужская фигура, вписанная в сложную геометрическую фигуру, в свою очередь помещенную в багровый круг. Даже не круг, а сложный веночек. Лицо сверху, священник внизу.

– Опять мистика, – вздохнул Уве. – Ненавижу этот бред. Никогда не знаешь, с чем имеешь дело. Вот нет у людей других дел, черт возьми.

Функ отобрал рисунок и заботливо спрятал в планшет.

– Это было в руке? – спросил Уве, задумчиво проводив взглядом бумагу. – Чьей?

– Убитого. В левой руке.

– Ну вот видишь. Еще одно косвенное указание на самоубийство. В правой был нож.

А что сказал брат?

– Да примерно то, что говоришь ты.

– А что папаша?

– Сильный господин. Держит себя в руках. Прощай, Уве. Надеюсь, ты прав; но не могу сказать, что ты облегчил мне жизнь. Скорее, наоборот. Надо идти, опросить его.

– Вольф, я должен присутствовать.

– Только во сне.

– Ладно, я согласен. Не на допросе, а в соседней комнате. Он меня и не увидит, – как и твой помощник. А вдруг я тебе еще пригожусь?

Функ сморщился, словно из прохудившегося желудка в горло плеснуло желудочным соком.

Глава 5

Сговорились на том, что Функ даст Уве прочесть протокол; к тому же спросит про приятеля Курта Вёрмана.

Функ исчез в доме, Уве опустил на седло верного «БМВ Р 57», приготовился ждать.

Из-под арки входа на Уве сумрачно взирал полицейский.

Однажды Вольф Функ спас ему жизнь, за что Уве был ему сердечно признателен. За прошедшие годы он попытался частично вернуть должок. Три с половиной года назад Уве помог старшему инспектору вычислить человека, совершившего несколько убийств в Берлине. Преступник во многом повторил путь американского Генри Холмса, признанного первым в истории «серийным убийцей».

Уве тогда выступил частным консультантом.

И еще в одном-двух случаях его советы помогли Функу справиться с расследованием.

Но друзьями они так и не стали, скорее относились друг к другу с умеренной неприязнью. При этом Уве мог положиться на бычью силу и тяжелые кулаки Вольфа; старший инспектор, вероятно, так же полагался на умственные способности Ключа.

В последние годы встречи происходили все реже и реже, – Функа затягивала работа, Уве пытался заработать на жизнь.

Когда Функ выкатился на улицу, он выглядел сильно помятым, – будто там, внутри, его валяли по коврам и совали шляпой вперед в холодный камин.

Уве выхватил протокол и пробежал глазами несколько листов, заполненных корявым почерком.

– А что насчет Вёрмана?

Функ снял шляпу и осмотрел тулью.

– Посланник Фридрих Гаусс знает, по службе, Эрнста Вёрмана, который отец твоего парня. Вёрман-отец, – младший статс-секретарь МИДа. Сейчас в командировке на Дальнем Востоке. До этого служил министриальдиректором, там же. Мальчишку сам Гаусс-старший видел раз или два. Не нравится мне все это. Когда в уголовном следствии путаются шишки, ничего хорошего не жди.

Уве не ответил. Мозг работал напряженно, память пыталась запомнить содержание беседы Функа с Фридрихом Гауссом.

Функ молол языком, все жаловался на жирных котов из элиты.

– Вольф, я тебе благодарен, – прервал Уве инспектора. – И в оплату дам совет.

Функ шмыгнул носом, как мальчишка у школьной доски, поставленный в тупик вопросом учителя.

– Ну?

– Для такой семьи, – да и для любой другой, самоубийца-родственник, это трагедия. Но еще и позор. Так что, когда ты заявишь о суициде, тебя семья дипломата может сильно невзлюбить. С другой стороны: представь это папаше, как спасение чести семьи. Ты исключил младшего брата из подозреваемых в убийстве старшего. Если возьмешься за дело правильно, будешь выглядеть героем. Тут важно правильно допросить младшего сына. Лети в отделение, тебя ждут великие дела. Можешь не благодарить...

Уве запустил двигатель и услышал сквозь его треск, как уходивший Функ бросил через плечо:

– Провались ты совсем...

Уве не жаловался на короткую память, а показания Фридриха Гаусса были слишком важны для его изысканий.

Имя, фамилия и адрес отца приятеля убитого Хельмута, упомянутые в только что прочитанном протоколе, впечаталось в извилины прочно.

Карл Риттер, офицер связи МИДа при Верховном командовании вермахта.

Уве покинул Ветеранштрассе и двинулся по новому адресу, на Софи Шарлоттен. Ехать пришлось недалеко, он не покидал Шарлоттенбург, лишь переместился на северо-запад.

Еще один дипломат. Слишком много дипломатов в этом деле! И сын Йоганн Риттер, – мелкий чиновник торгово-политического отдела того же министерства; приятель Хельмута Гаусса; и, следовательно, Курта Вёрмана.

Три молодых мушкетера?

Готовый ко всему, он постучался в двери особняка на Шарлоттен. Дверь открыла девушка в передничке, лицо хмурое и осунувшееся.

Услышав о цели визита, его сразу провели в кабинет. Здесь, за письменным столом, сидел сам хозяин, господин Риттер.

– Нашелся?! – вскрикнул он, увидев Уве Клюга.

Когда офицер связи МИДа понял, что Уве не полицейский, а всего лишь доверенное лицо родителей одного из приятелей сына, он сломал дорожную английскую шариковую ручку, которой перед появлением Уве писал на листе бумаги. Липкие чернила испачкали большие ладони, словно он раздавил большого паука; капли попали на галстук и отвороты велюрового халата.

Большая лысая голова дипломата затряслась, краткое оживление сменилось раздражением.

Он заорал:

– Какого черта вы разыгрываете Шерлока Холмса? Лучшие полицейские Берлина ничего не могут сделать, – вас еще не хватало, путаетесь под ногами!

– Но господин Риттер, – ошеломленно промямлил Уве. – Иногда частному лицу...

– Вон отсюда! – заорал мидовский чиновник. – Я вас в гестапо отправлю, die Ficksau!!!

Клюг пожал плечами, вышел из комнаты и прикрыл дверь.

Как-то недипломатично обзывать гостя, только ступившего на порог «гребаной свиньей», пусть ты и очень расстроен, а гость не в смокинге или мундире. А визитер даже не получил возможность познакомиться с причиной твоего отвратительного настроения.

Разочарованный, он пошел искать выход.

Некоторое время блуждал в лабиринте антикварной мебели, рыцарских доспехов и тяжелых гардин, пока не нашел лестницу.

– Погодите! – услышал он за спиной.

На ступенях его нагнала молодая женщина.

Уве остановился.

– Вы частный детектив?

– Нет. Я действую по поручению знакомой.

– И кто это?

– Госпожа Вёрман. Ее сын пропал.

– Так же, как и мой брат.

Женщина оказалась старшей сестрой Йоганна Риттера, чей папаша только что наорал на Уве. Она подняла к Уве узкое бледное лицо; под глазами лежали темные тени.

– И где ваш брат?

Женщина сморщилась.

– Исчез. Также как и Курт Вёрман.

– Час от часу не легче.

Женщина схватила Уве за руку.

– Найдите их! И знайте, – во всем виновата Вилда.

Уве спохватился и позорно щелкнул нижней челюстью, отвисшей ниже всяких физиологических ограничений, положенных человеку и его жевательному аппарату.

– Э-э-э? – спросил он, увеличивая впечатление впавшего в замешательство индивидуума, – Вилда? А это кто это?

Персонажей становилось все больше, и Уве решил, что для одного дня их слишком...

Женщина твердо ответила:

– Вилда Шульц. Это все из-за нее... и из-за предсказаний «Спящего пророка».

– Э-э-э...

Когда он покидал дом дипломата Карла Риттера, наверху на лестнице раздавались рыдания.

Глава 6

Один покойник; трое молодых людей исчезли.

Покойный отдал Богу душу сегодня. Трое молодых людей испарились, – и все в один день. Интересно.

Все четверо хорошо знали друг друга.

Уве взял карандаш и к Йоганну Риттеру и Курту Вёрману Уве добавил девятнадцатилетнюю Вильду Шульц. Четвертый из этой компании молодых людей, Хельмут Гаусс, лежал сейчас на цинковом ложе в подвальном морге Управления, и над его телом хлопотал судебный врач Питер Хольман.

А ведь Уве поручили найти всего лишь одного, Карла.

Уве поднял глаза от своего блокнота и уставился сквозь стекло с золотыми завитушками, составляющими надпись «Cafe Böhmen» (Кофейня Богемия), на вечернюю улицу.

Снаружи брели редкие прохожие, еще реже мелькали автомобили. Загромыхал светящийся салоном трамвай, затрещал звонком на повороте и скрылся за округлым углом здания, с вывеской «Welt der High Fashion» над дверями.

Окна салона моды выходили на перекресток.

За домами заревела и оборвалась противозвушная сирена.

Налет?

Они повторялись все чаще и чаще.

Перед Уве, кроме блокнота и пачки сигарет, лежала кипа вечерних и еженедельных газет; все издания, которые ему удалось купить в табачном киоске, в квартале от кофейни. Газетная продукция заполнила поверхность столешницы, и он вынужден был ставить чашку прямо на страницу.

Будучи человеком аккуратным, он, по крайней мере, старался попадать в одно и то же место.

Чашка была пуста, в пачке осталось меньше половины сигарет; Уве вздохнул и вернулся к блокноту.

Никто не любит уравнения со многими неизвестными. Куда делись времена, когда полиция разбиралась с одним трупом и двумя подозреваемыми? У британцев убийца всегда двоеркий; в Германии, – бедняк, бродяга, – в общем, асоциальный элемент. Так было...

Каким боком сюда попала девчонка? Вильда Шульц...

Дочь актриски из варьете ««Roter Vorhang» (Красный занавес), что на Бейренштрассе. Она явно выбивалась из сложившегося квартета, не соответствовала.

Девушка была моложе остальных. Ее семья не имела никакого отношения к МИДУ. Семейные доходы и социальное положение несоизмеримы, – мама Вильды едва сводила концы с концами, папаши давным давно простыл след. Семьи Гаусса, Вёрмана и Риттера можно отнести к верхнему слою немецкой элиты.

Однако Уве имел подсказку, что их могло объединять. И чтобы знать наверняка, он и купил всю эту кипу макулатуры.

В «Reklam», в «Abendstadt», и десятке других листков оказалось так много объявлений предсказателей, пророков и оккультистов, что у Уве разбежались глаза. Казалось, что берлинец шагу не сделает без консультации с астрологом и без регулярного составления гороскопов.

Целители обещали вечную жизнь и возврат здоровья, отворот от алкоголя и других плохих привычек; ясновидящие гарантировали полную ясность в сути жизни; парапсихологи брались найти сверхъестественные способности даже у вашего пуделя, – конечно же, строго основываясь на методах научной методологии.

Экстрасенсорное восприятие; колдуны всех цветов, предсказатели, оккультные практики.

– Биоинтроскопия. Kackfotzenhurengesicht, – выругался Уве, закуривая очередную сигарету. – Klobrillenrandablecker. Abfalltonnenvollscheißer.

Стало чуть легче, но проблема осталась там же.

В приоткрытую дверь заведения проникал свежий ветерок, колыхал края газет; в воздухе повеяло ароматом неведомых цветов.

Уве сидел на этом самом месте более трех часов.

Из газет лезли «таинственные всадники», «светлый доктор императорской семьи», методика болгарской слепой святой, «предсказатель Вольф». Наконец весь этот сброд так разозлил Уве, что он швырнул последнюю газету с незатейливым названием «Bezahlte und kostenlose Anzeigen», поставил сверху чашку, – и теперь бессмысленно глазел на кипу бумаги, пуская струи дыма в сторону столика.

Неожиданно пол задрожал, вокруг загрохотало, будто тяжелый грузовик врезался в стену дома.

Уве подпрыгнул на стуле:

– Это бомба?

– Нет, – донесся от стойки еле слышный в шуме женский голос. – Это зенитки.

Уве выдохнул. Зенитки, ну конечно...

Кофейня располагалась в квартале от Берлинского зоопарка, недалеко от бункера Цоо⁵, только что построенного из толстеного бетона.

Военные называли это строение G-башней; он весь оцетинился зенитными орудиями, – считалось, что это самое надежное бомбоубежище в данной части города. Жители района рассказывали, что когда зенитки начинают стрелять, дрожит земля.

Сейчас все заведение ходило ходуном, кофейная ложечка звенела о блюдце и щеки дрожали от сотрясений.

Несколько минут ничего нельзя было делать; потом грохотание прекратилось так же внезапно, как и началось.

– Хорошо тут у вас, – пошутил Уве. – Посуда цела?

– Хотите пончик со сливовым повидлом? – услышал он милый женский голос над головой. – Для успокоения. Говорят, от нервов сладкое помогает.

Хозяйка заведения, оказывается, уже стояла рядом со столиком, – с пустым подносом в руках. Он и не заметил, когда она подошла.

– Благодарю, – ответил он. – Кажется, мне пора.

Хозяйка напоминала фарфоровую статуэтку пастушки, на которую надели белые передничек и пилотку. Вряд ли она отметила двадцатый день рождения.

Стройная, милая и добрая.

– Вам стоит их попробовать, – ее голос напоминал рождественский колокольчик. – Можно убирать?

– Да, конечно.

Уве потянулся и встал. Вкус кофе и табака во рту был отвратителен.

Он собрал сигареты, зажигалку, карандаш и блокнот. Положил купюру на край стола.

– У вас лучший кофе в квартале, – сказал он.

Она улыбнулась и пожала плечиками:

– Заходите чаще. А что с этим делать?

Она показала на кипу газет.

– Выкинуть. В них нет ничего.

⁵ Наземный бетонный блокгауз, вооруженный артиллерией ПВО. В Берлине размещались три таких строения

Девушка быстро убрала со стола. Он подошел к стойке, ожидая сладости, разглядывал шварцвальдский вишневый торт.

– Странно, – пробормотал он. – Сезон вишни еще не начался...

Она засмеялась, протягивая через прилавок деньги:

– А он из варенья. самого лучшего!

Ему пришло в голову, что девушка, конечно, не хозяйка. Наверное, дочка.

– Ну что ж, – сказал Уве. – Будем ждать свежей вишни.

Девушка не дала ему повернуться, наклонилась над прилавком, подала ему маленький пакетик:

– Это от заведения. Утром станете завтракать, и вспомните «Богемию» и ее работников.

Он покачал головой:

– Мама не заругает?

– Не беспокойтесь. – Она опять засмеялась серебристым смехом – Тем более что мама в Гамбурге. А вот муж имеется.

Сделала вид, что в ужасе оглядывается:

– К сожалению...

Добравшись до дома, Уве почистил зубы, чтобы смыть вкус сигарет и кофе. Сел за стол, открыл блокнот и еще раз прокрутил в мозгу все то, что узнал за этот хлопотливый день.

День и в самом деле оказался длинным, и закончился в «Красном занавесе». Ему пришлось ждать госпожу Шульц, которая в компании еще десятка других мадам выплясывала на маленькой сцене, высоко задирая тощие ноги в воздух.

Когда наконец Уве вытащил ее из душных закулисы на заднюю улочку, – для сигареты и разговора, – разговора и не вышло.

– Вильда? Пропала? – задыхаясь, спросила мамочка, и делая короткие затяжки. – На самом деле? Ну, туда ей и дорога. Пусть делает, что хочет. Мне с Петером и так жить негде, – конура конурой. Не знаю где эта девчонка, знать не хочу, и мне пора на сцену. Прощай, красавчик!

Информации много, и ничего конкретного.

Четыре подростка учились, проказничали, впадали в уныние, читали всякую ерунду, выводили из себя родителей, – и вдруг, как будто четыре фигурки, нарисованные на грифельной доске, кто-то одним движением стер тряпкой.

Остался лишь труп самоубийцы.

Уве по опыту знал, что во многих случаях самоубийство, – следствие действий других людей, всего лишь отвратительный сорняк, торчащий на всеобщее обозрение из земли; а еще более гнусные корни змеются в земле, невидимые дневному свету.

– Ты можешь торчать здесь до бесконечности, – проворчал он в тишине комнаты. – Толку никакого.

Он протянул руку и взял с края стола пакет из «Богемии», развернул бумагу и впился зубами в пончик.

Ничего в нем не было особенного, в этом сливовом пончике. Мама готовила и получше.

Начинка оказалась слишком жидкой и повидло брызнуло прямо на стол. К счастью, сладкая масса попала не на столешницу, а на смятую бумагу.

Тут Уве обнаружил, что рачительная хозяйка кофейни завернула своюстряпню в последнюю страницу рекламного листка «Bezahlte und kostenlose Anzeigen», что точно посередине остался след от его кофейной чашки, и что во влажном круге оказалось одно из объявлений.

Он отложил остаток пончика, подался вперед и прочел:

«Мистик, медиум и целитель Карл фон Белов проводит набор молодых людей, которые обладают особыми способностями, такими как: погружение в транс; потусторонние видения; предсказания событий; свидетельства прошлых жизней; общение с умершими.

Просьба обращаться в Берлинский спиритуалистический кружок «Спящий пророк», Биркенштрассе, 8».

Глава 7

На следующий день, плотно позавтракав яичницей и сильно пережаренным ломтем пшеничного хлеба, с которого сползал, не желая намазываться, кусок маргарина, Уве отправился на поиски Биркенштрассе. Понадобилось несколько лет, после смерти матери, чтобы он научился жарить яйца; но вот английские тосты так и выходили, твердые и коричневые.

В этот раз он решил оставить своего железного коня на приколе и воспользовался метро, а потом и трамваем.

Его не удивили сдержанные беседы пассажиров, многие из которых, казалось, не очень-то боялись гестапо. Берлинцы тихо переговаривались со спутниками; и их слова веяли крамолой.

– Би-Би-Си сообщает, – сказал господин в шляпе напротив своей спутнице. – В ночь на понедельник германские министры не прилетали.

Спутница хихикнула и стрельнула глазками в сторону Уве.

– Что наше правительство не в себе, это известно, – ответила женщина. – Но то, что он само это признало, это в первый раз.

Говорили они, разумеется, о полете Гесса и признании его рейхсканцелярией сошедшим с ума.

Уве опустил глаза, но не выдержал и хмыкнул.

В трамвае болтали о другом. На задней площадке он услышал:

– Уверяю вас, это так. Большая часть армии уже находится на русской границе. Начинается новая фаза войны.

– Не верю, чтобы наверху свихнулись. Мало им того, что уже идет война? К тому же мы все еще союзники России...

– Говорят, на Альб нашли мертвеца; его сбил автобус, из-за затемнения, – и никто не заметил!

На левой стойке ажурных ворот дома 8 по Биркенштрассе прикрепили медную табличку с блестящими буквами «Кружок «Спящий пророк». На правой стойке афиша с небольшого деревянного щита сообщала, что «сегодня в 21.00 состоится медиумистский сеанс с возвращением Кэти Кинг, дочери бывшего губернатора Ямайки Генри Моргана, завершившую земной путь в 1682 году.

Кэти вернется, чтобы расплатиться за свои жизненные грехи!»

Калиточка рядом оказалась незапертой, Уве вошел в маленький дворик. На стук дверного молотка никто не ответил; казалось, дом пустовал.

Уве обошел дом, полюбовался на клумбу, усыпанную громадными хищными лилиями; заглядывал в окна. Но в рамы вставили какие-то особые стекла, не пропускавшие, а отражавшие свет. Уве смирился, вспомнил, что он числится механиком в гараже, и направил свои стопы на Борнхолмерштрассе.

Во дворе он столкнулся со вторым механиком, который ткнул большим замасленным пальцем за спину и прошептал:

– Руди с утра здесь. Злая, как черт. Кажется, я знаю, на кого...

Эльза и в самом деле сидела в конторе, копалась в конторских книгах и курила, не переставая. В комнате стояло тяжелое облако дыма.

– Ты отпросился на один день, – сказала она, увидев своего премьер-механика. – Три машины в гараже. Может, мне надеть спецовку?

– Может, и придется, – проворчал Уве. – Тем более, что я пришел просить отпуск.

– И на сколько?

– Зависит от того, как пойдут дела. Два-три дня.

– Может, тебе не нужна работа? – разозлилась женщина не на шутку.

- Может, – Уве пожал плечами. – Я не держусь за это место. Денег мало, а стыда...
- Убирайся! Получишь расчет и убирайся!

Он взялся за ручку двери, спросил:

– Давно хотел спросить тебя, Эльза. Если бы мы тогда... не оказались в постели, ты гуляла бы так, как сейчас?

– Мы? Ты меня затащил! Через неделю после похорон Руди!

– Мы тогда были оба пьяны, – примирительно сказал Уве. – И... я не припомню, чтобы ты сопротивлялась. Так что мой вопрос?

Если бы он не увернулся, тяжелое медное пресс-папье разбило бы его голову. Но Уве успел отклониться, и письменный прибор врезался в стену.

Зная характер Эльзы Форст, который не позволял остановиться на полпути, он рывком открыл дверь и выскочил на крыльцо.

Не стоило вспоминать об их обоюдном грехе. Память Руди Форста не заслуживала этого...

Глава 8

В большой гостиной было тихо, как будто полтора десятка людей собрались опрокинуть по стаканчику в память о только что преданном земле покойнике. Компания собралась разношерстная и молчаливая.

Когда Уве вошел в дом, прошел коротким коридорчиком и открыл дверь в гостиную, к нему тут же подошла женщина неопределенного возраста, в длинном монашеском платье; по виду старая дева.

– Ваше имя? – спросила она, ласково глядя на нового гостя большими карими глазами.

– Уве Клюг, – ответил он. – Могу я принять участие в сеансе?

– Да, конечно. Сеанс открыт для публики. При соблюдении некоторых правил...

– Какие же правила? – поинтересовался Уве.

– Мы взимаем входную плату. Небольшую. Мы предлагаем гостям скромное угощение.

Одна марка.

– Безусловно.

– Зрители должны соблюдать тишину и спокойствие во время сеанса. Вы можете стать свидетелем удивительных явлений; поэтому просьба не покидать своего места; нельзя задавать вопросы медиуму, или кому-то еще, во время наполнения образа эктоплазмой и материализации.

– Хорошо, не буду, – озадаченно пообещал Уве. – Хотелось бы только знать, что такое этоплаз...

– Эктоплазма.

– Да-да. Чтобы не спутать...

– Субстанция, наполняющая образ при материализации.

– Теперь понятно, – сказал Уве и поджал губы.

Субстанция для материализации... ну, посмотрим. Вероятно, это не сложнее карбюратора.

На двух столах и в самом деле стояли чашки, пыхтел большой медный самовар; на блюдах лежали звездочки с корицей, булочки и бутерброды с колбасой.

Уве достал деньги и подал женщине.

– Прошу вас, будьте как дома. Сеанс начнется через пятнадцать минут.

Уве подошел к столу, выбрал булочку с боквурст⁶ и огляделся.

Две пожилые женщины беседуют у камина; мужчина средних лет, в сюртуке, но с военной выправкой жует погасшую трубку; ближе к внутренним дверям на длинных диванах сидят вперемешку бабушки, молодые люди в университетских тужурках, господин в безукоризненном костюме, с моноклем в глазу; несколько девчушек не старше шестнадцати.

Всех объединяет терпение ожидания.

Можно даже сказать, покорность. Разве что мужчина с моноклем чувствует себя нервозно, – поджав верхнюю губу с короткими усиками, иронически оглядывается на соседей.

Уве с удовольствием запустил зубы в сосиску; оказывается, он и забыл об обеде.

Сосиска сочно лопнула, обдав язык теплым соком; но чай отдавал венником и горечью, а сахарин не пожелал раствориться полностью.

Торжественные мерные звуки прозвучал из угла. Громадные часы с золотым циферблатом пробили девять.

Тут же растворились внутренние двери. Присутствующие зашелестели одеждой, заскрипели кресла и диваны, зашаркали подошвы; зрители потянулись внутрь дома.

⁶ Варено-копченая сарделька

Эта комната была вполтину больше гостиной. В углах, в настенных канделябрах горели тусклые свечи. Больше портили воздух, чем светили.

В центре стояли стулья, как в театре; как и в гостиной, слепые окна не пропускали вечерний свет. Глухая стена походила на небольшую сцену где-нибудь в варьете.

Неровный свет оставлял часть пола в темноте.

Уве хмыкнул под нос, представив, как сейчас туда выскочат несколько полуодетых див, в подвязках и лифах, и запоют нестройно и хрипловато:

«Meine kleine Katze
Die ist heute froh
Meine kleine Katze
Sitzt heut auf dem Poo».

Сходство с варьете дополнял занавес, укывший правую половину сцены.

Зрители и зрительницы рассаживались на стульях, стоявших тремя полукругами, как в театре. Девочки, еле слышно перешептываясь, сели сзади. Рядом села полная женщина, похоже, сопровождавшая молодое поколение. Нервный господин с моноклем сел посредине первого ряда. Уве досталось место у входа, во втором ряду.

Примерно четверть мест осталась свободной.

Несколько минут, кроме покашливания и легкого шепота, ничего не происходило.

Еще через минуту услышал сзади тихий женский голос:

– Есть такая шутка про медиума. Рассказать?

Второй женский, голос, принадлежавшей женщине гораздо старше первой, ответил:

– Даже если я не захочу, ты все равно расскажешь...

– Слушай. Старый еврей, живущий составлением кроссвордов... пришел на спиритический сеанс. Предсказатель два часа призывал души умерших, передавал послания родственникам на тот свет. Открывал будущее, и отвечал на самые каверзные вопросы...

Уве наострил ухо.

...потом медиум сказал, что устал, и готов ответить на самый последний вопрос. Любой... Еврей кричит...

Ее прервало движение на сцене. Там появился стройный мужчина в строгой тройке. Светлые волосы, изящный пробор. Откуда он взялся, было совершенно непонятно.

Уве с сожалением переключил внимание на зрелище. Ему вдруг стало спокойно на душе, как давно не было.

Мужчина начал говорить.

У него был твердый, размеренный голос, великолепная дикция, выверенные жесты:

– Дамы и господа! Добро пожаловать в кружок «Спящий пророк»! Мы благодарны за ваше внимание! Меня зовут Карл фон Белов. Мы начинаем сеанс. Сегодня Райк Свенхилд попытается дать нам убедительное доказательство реальности духовной жизни и существования невидимого мира. Будьте внимательны!

Он отодвинул штору и явил собранию молодую женщину, привязанную к стулу. Она была привязана к спинке, глаза закрыты. Темные волосы обрезали скобкой и походили на шлем юного воина.

– Госпожа Райк не сможет двигаться, – фон Белов показал прочность веревок, – и останется здесь на всем протяжении опыта.

Он задвинул штору.

Откуда-то сверху возник заунывный звук, тихий и непрерывный. Похоже на флейту...

Седого мужчины уже не было на сцене. Уве почувствовал, что его веки начинают тяжелесть. Эти два дня он так мало спал...

В пустом пространстве левой половины сцены появилось едва различимое светлое пятно. Флейта тянула одну и ту же ноту, сзади кто-то тихо ахнул.

Пятно начало приобретать контуры женской фигуры. Скоро это и в самом деле оказалась женщина, но скорее как актриса на киноэкране, – белое платье, черные кисти рук, меловое лицо, полупрозрачная накидка на голове.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.